

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К.Гудковой, П.В.Штукатурова и М.А.Яшиной

город Санкт-Петербург

27 февраля 2009 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, с участием представителя гражданки Ю.К.Гудковой – адвоката В.Л.Грозовского, представителя гражданина П.В.Штукатурова – адвоката Д.Г.Бартенева, представителя гражданки М.А.Яшиной – адвоката Ю.Л.Ершова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н.Харитонов, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379¹ ГПК Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Ю.К.Гудковой, П.В.Штукатурова и М.А.Яшиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г.Стрекозова, объяснения представителей сторон, выступление приглашенного в заседание представителя от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу – граждане Ю.К.Гудкова, П.В.Штукатуров и М.А.Яшина оспаривают конституционность части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации, предусматривающей, что заявление о признании гражданина недееспособным суд рассматривает с участием самого гражданина, заявителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства и что гражданин, в отношении которого рассматривается

дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию здоровья гражданина.

П.В.Штукатуров и М.А.Яшина просят также проверить конституционность части пятой статьи 37 ГПК Российской Федерации, согласно которой права, свободы и законные интересы граждан, признанных недееспособными, защищают в процессе их законные представители – опекуны или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом. Кроме того, П.В.Штукатуров оспаривает конституционность аналогичной нормы, содержащейся в части пятой статьи 52 ГПК Российской Федерации, пункта 3 части первой его статьи 135, согласно которому судья возвращает исковое заявление в случае, если оно подано недееспособным лицом, абзаца третьего статьи 380, согласно которому надзорная жалоба или представление прокурора возвращается судьей без рассмотрения по существу, если жалоба или представление прокурора поданы лицом, не имеющим права на обращение в суд надзорной инстанции (Федеральным законом от 4 декабря 2007 года № 330-ФЗ статья 380 признана утратившей силу, однако норма ее абзаца третьего воспроизведена в пункте 2 части первой статьи 379¹ данного Кодекса), и положения части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которому лицо, признанное в установленном законом порядке недееспособным, помещается в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его законного представителя.

Что касается также оспариваемых П.В.Штукатуровым абзаца третьего статьи 222 ГПК Российской Федерации, согласно которому суд оставляет заявление без рассмотрения в случае, если оно подано недееспособным лицом, и части второй его статьи 286, согласно которой в случае, предусмотренном пунктом 3 статьи 29 ГК Российской Федерации, по заявлению опекуна, члена семьи, психиатрического или психоневрологического учреждения, органа опеки и попечительства на основании соответствующего заключения судебно-психиатрической

экспертизы суд принимает решение о признании гражданина дееспособным, и на основании решения суда отменяется установленная над ним опека, то применение этих законоположений в деле заявителя представленными материалами не подтверждается. Следовательно, производство по делу в данной части подлежит прекращению.

1.1. Ю.К.Гудкова, П.В.Штукатуров и М.А.Яшина по заявлениям своих близких родственников были признаны недееспособными решениями соответственно Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 29 сентября 2005 года, Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 28 декабря 2004 года и Железнодорожного городского суда Московской области от 15 ноября 2004 года. При этом о времени и месте рассмотрения дел указанные граждане извещены не были, поскольку по результатам назначенных для определения их психического состояния судебно-психиатрических экспертиз был сделан вывод, что характер заболевания не позволяет им понимать значение своих действий и руководить ими и что они не могут присутствовать в судебном заседании.

Кассационные жалобы на данные судебные постановления и заявления о восстановлении срока обжалования, поданные Ю.К.Гудковой и представителем П.В.Штукатурова, выбранным им самим, были возвращены с указанием на отсутствие у лиц, признанных недееспособными, права на осуществление судебной защиты своих прав лично (письмо судьи Приморского районного суда Санкт-Петербурга, определение Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 22 декабря 2005 года). По тому же основанию возвращена без рассмотрения надзорная жалоба П.В.Штукатурова. Судами надзорной инстанции, в том числе Верховным Судом Российской Федерации, отказано в истребовании дела М.А.Яшиной и в его передаче для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции.

Европейский Суд по правам человека, рассмотрев жалобу П.В.Штукатурова, в постановлении от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против России» констатировал нарушение в

отношении заявителя прав на свободу и личную неприкосновенность, на справедливое судебное разбирательство и на уважение частной и семейной жизни, закрепленных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статьи 5, 6 и 8).

1.2. В жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации, подписанных Ю.К.Гудковой, П.В.Штукатуровым и М.А.Яшиной и поданных представителями, выбранными ими лично, утверждается, что оспариваемые законоположения, допуская возможность рассмотрения судом заявления о признании гражданина недееспособным без участия самого гражданина, в отношении которого рассматривается соответствующее дело, не предоставляя гражданину, признанному недееспособным, возможность самостоятельно, т.е. от своего имени и вне зависимости от мнения опекуна, обратиться в суд для защиты своих прав и законных интересов, в том числе для восстановления дееспособности, и не предусматривая обязательность вынесения судом решения по вопросу госпитализации недееспособного лица в недобровольном порядке, нарушают их права, гарантированные статьями 19, 22, 23, 24, 45, 46 и 123 Конституции Российской Федерации.

Разрешая вопрос о допустимости принятия жалоб заявителей к рассмотрению с учетом того, что вступившими в законную силу судебными решениями они признаны недееспособными и что жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации поданы не их законными представителями (опекунами), а лицами, которых они сами выбрали в качестве представителей, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяя компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, не предусматривает какие-либо специальные требования к правовому статусу гражданина-заявителя с точки зрения дееспособности. Согласно общим процедурным правилам

рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации, содержащимся в статьях 52 и 53 названного Федерального конституционного закона, участниками процесса считаются стороны, в том числе заявители – лица, направившие в Конституционный Суд Российской Федерации обращение, а также представители сторон, каковыми могут быть адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами.

В силу статьи 3 названного Федерального конституционного закона Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права (часть третья) и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (часть четвертая). В данном случае заявители ставят перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о проверке конституционности самих норм, на основании которых решениями судов общей юрисдикции они были признаны недееспособными и с согласия опекунов принудительно помещены в психиатрический стационар, при том что опекунами назначены лица, по заявлениям которых были вынесены указанные решения.

По смыслу статьи 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 118, 120 и 126 и статьей 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», решение суда о признании гражданина недееспособным, если оно вынесено на основании закона, нормами которого, в том числе в их истолковании сложившейся правоприменительной практикой, нарушаются конституционные права данного гражданина, подлежит пересмотру.

Следовательно, в силу статей 46 (части 1 и 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьями 52, 53, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных

прав законоположениями, на основании которых судом общей юрисдикции было вынесено решение о признании его недееспособным и тем самым, по сути, об ограничении права, гарантированного статьей 60 Конституции Российской Федерации.

Иное означало бы невозможность проверить, были ли в результате применения предусмотренной законом процедуры признания лица недееспособным нарушены его конституционные права, что, в свою очередь, не соответствовало бы установленным статьями 19 (часть 1), 46, 55 (часть 3), 60, 118 (часть 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации гарантиям защиты конституционных прав и свобод посредством конституционного судопроизводства, осуществление которого является исключительной прерогативой Конституционного Суда Российской Федерации. Поскольку такая проверка не может быть осуществлена ни другими внутригосударственными судебными органами, ни каким-либо межгосударственным органом, включая Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации признает жалобы заявителей, поданные выбранными ими представителями, допустимыми.

1.3. Таким образом, исходя из требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются:

положение части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации, согласно которому гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию его здоровья;

взаимосвязанные положения части пятой статьи 37, части первой статьи 52, пункта 3 части первой статьи 135 и пункта 2 части первой статьи 379¹ (абзац третий статьи 380 в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 330-ФЗ) ГПК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о

возможности лица, признанного недееспособным, обжаловать соответствующее решение суда в кассационном порядке и в порядке надзора;

положение пункта 4 статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», предусматривающее возможность госпитализации недееспособного лица в недобровольном порядке при наличии согласия его опекуна без судебного решения.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и – исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, – возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1).

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения (статья 17, часть 2, Конституции Российской Федерации) предполагает необходимость их адекватных гарантий, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. К числу таких гарантий относятся прежде всего право каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (статьи 46 и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации), которые в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению.

2.1. Согласно Конституции Российской Федерации гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет (статья 60); граждане, признанные судом недееспособными, не имеют права избирать и быть избранными (статья 32, часть 3). Каких-либо других ограничений в отношении

недееспособных лиц Конституция Российской Федерации непосредственно не предусматривает.

По смыслу названных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 46 и 55 (часть 3), гражданин может быть признан недееспособным на основании федерального закона в надлежащей судебной процедуре. При этом лицо, страдающее психическим расстройством, как следует из статьи 22 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на свободу и личную неприкосновенность, может быть лишено свободы в целях принудительного лечения только по судебному решению в порядке, установленном законом. Это предполагает, что предоставляемая такому лицу судебная защита должна быть справедливой, полной и эффективной, включая обеспечение ему права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе права пользоваться помощью выбранного им самим адвоката (статья 48 Конституции Российской Федерации), а ограничения, связанные с процедурами признания лица недееспособным, должны отвечать критериям разумности и соразмерности.

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения актов международных организаций, в которых на основе универсальных принципов верховенства права, гуманизма, справедливости и равенства сформулированы принципы, общепризнанные в современных демократических государствах, с учетом которых должны устанавливаться процедуры признания лиц недееспособными и осуществляться принудительное помещение таких лиц в психиатрический стационар.

Так, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17 декабря 1991 года Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119) прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отмена или затруднение равного пользования

всеми международно признанными гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами (пункты 4 и 5 принципа 1), и предусматривают право лица, дееспособность которого является предметом судебного разбирательства, быть представленным адвокатом, а также право наравне со своим личным представителем, если таковой имеется, и любым другим заинтересованным лицом обжаловать любое решение о недееспособности в вышестоящем суде (пункт 6 принципа 1).

В рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 8 октября 1977 года 818 (1977) «О положении психически больных», рекомендациях Комитета Министров Совета Европы от 22 февраля 1983 года R (83) 2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», от 23 февраля 1999 года R (99) 4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», от 24 февраля 2004 года Rec (2004) 10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством» также указывается на то, что лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все гражданские и политические права, а ограничения этих прав допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания. При этом государствам – членам Совета Европы предлагается установить, что судебное решение не может приниматься на основании одного лишь медицинского заключения, что лицу, страдающему психическим заболеванием, как и любому другому лицу, должно быть обеспечено право быть выслушанным и что на случай предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства должен присутствовать адвокат.

В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы R (99) 4 сформулированы также общие и процедурные принципы правовой защиты недееспособных взрослых, которыми предлагается руководствоваться

государствам – членам Совета Европы в соответствующем законодательном регулировании. Так, в числе общих принципов называются принцип гибкости правового реагирования, предполагающий помимо прочего использование таких правовых инструментов, которые обеспечивали бы наиболее полный учет степени недееспособности лица в конкретной правовой ситуации для защиты его личных и имущественных интересов; принцип максимального сохранения дееспособности, означающий в том числе признание, насколько это возможно, существования различных степеней недееспособности и возможности изменения степени недееспособности лица с течением времени; принцип соразмерности меры защиты степени дееспособности лица, основанный на учете конкретных обстоятельств и нужд данного лица и допускающий вмешательство в его права и свободы в минимальной степени, необходимой для достижения цели такого вмешательства. К процедурным принципам Рекомендация относит, в частности, принцип соблюдения права лица быть выслушанным лично в любом разбирательстве, которое может затрагивать его правоспособность, а также принцип разумной продолжительности применения меры защиты и возможности ее периодического пересмотра и обжалования.

2.2. В соответствии со статьями 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека право каждого на свободу и личную неприкосновенность предполагает, что душевнобольные лица не могут быть лишены свободы и заключены под стражу иначе как в порядке, установленном законом; таким лицам должно быть гарантировано право на справедливое судебное разбирательство, предполагающее в том числе право на разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, а также право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной применительно к производству по применению принудительных мер медицинского характера в отношении

лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, отсутствие в процессуальном законодательстве основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования прав тех, у кого такая способность, несмотря на заболевание, сохранена, и тех, кто действительно по своему психическому состоянию не может самостоятельно защищать свои права, не соответствует международным обязательствам Российской Федерации и законодательству Российской Федерации о психиатрической помощи и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений. Лишение лица, в отношении которого подлежат применению или применены принудительные меры медицинского характера, возможности самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, даже если психическое заболевание этому не препятствует, означает не согласующееся с конституционно значимыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничение прав, гарантированных каждому ее статьями 45 (часть 2) и 46 (часть 1).

Признавая на основе приведенной правовой позиции соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 ноября 2007 года № 13-П указал на то, что в гражданском процессуальном законодательстве для решения вопросов, связанных с признанием лица недееспособным и его госпитализацией в психиатрический стационар в недобровольном порядке, допускается личное участие такого лица в судебном заседании, если это возможно по его состоянию здоровья, личное заявление ходатайств и обжалование в суд нарушающих права и свободы граждан действий и решений медицинских и иных работников при оказании лицу психиатрической помощи.

2.3. Таким образом, из предписаний Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющимися – в силу статей 15 (часть 4) и 17

(часть 1) Конституции Российской Федерации – составной частью правовой системы Российской Федерации и имеющими приоритет перед внутренним законодательством, а также с принципами и требованиями международно-правовых актов вытекает необходимость установления особого уровня гарантий защиты прав лиц, которые страдают психическими расстройствами и в отношении которых возбуждается производство по признанию их в установленном порядке недееспособными, с тем чтобы – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом юридических последствий, которые влечет за собой признание недееспособным, – исключить какую-либо дискриминацию лица по признаку наличия психического расстройства (душевной болезни, умственной отсталости, умственных недостатков), а также связанные с этим ограничения прав, кроме тех, которые допускаются в общепризнанных для таких случаев целях.

3. Конкретизируя применительно к осуществлению гражданских прав положение статьи 60 Конституции Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает, что дееспособность гражданина как его способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста (пункт 1 статьи 21). В свою очередь, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации определяет гражданскую процессуальную дееспособность как способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю, которая принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет (часть первая статьи 37).

Вместе с тем в соответствии со статьей 29 ГК Российской Федерации гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством; над ним устанавливается опека (пункт

1); от имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун (пункт 2). Права и обязанности опекунов, которыми они наделяются для защиты прав и интересов недееспособных граждан в целях восполнения их дееспособности и социальной заботы о них, определяются гражданским законодательством (статьи 31, 32, 34–36, 39 и 40 ГК Российской Федерации). При этом согласно Федеральному закону от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту их прав и законных интересов в любых отношениях без специального полномочия (статьи 2 и 15).

Необходимость судебного порядка признания гражданина недееспособным обуславливается, таким образом, существенным изменением – в случае вынесения судом соответствующего решения – правового положения гражданина, который на формально неопределенный период лишается возможности самостоятельно, собственными действиями осуществлять свои права и обязанности. Предназначение судебной процедуры – не допустить ошибочных оценок относительно способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими, особенно если разбирательство инициировано лицами, претендующими на роль опекунов: по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 55 (часть 3) и 60, сам факт обращения с заявлением о признании гражданина недееспособным не предрешает решение суда и, следовательно, не может являться основанием для лишения этого гражданина гражданской процессуальной дееспособности, т.е. возможности своими действиями в полном объеме осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю.

3.1. Гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, как это следует из статьи 34 и части второй статьи 263 ГПК Российской Федерации, являясь заинтересованным лицом, приобретает статус лица, участвующего в деле, и в этом качестве в

соответствии со статьей 35 данного Кодекса имеет право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам, заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств, давать объяснения суду в устной и письменной форме, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле, обжаловать судебные постановления и использовать предоставленные законодательством о гражданском судопроизводстве другие процессуальные права.

Статьей 284 ГПК Российской Федерации предусматривается, что заявление о признании гражданина недееспособным суд рассматривает с участием самого гражданина, заявителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства; гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию здоровья гражданина (часть первая), т.е. возможность для этого гражданина участвовать в судебном разбирательстве не исключается.

При этом закон не устанавливает, в какой процедуре и на основании каких критериев определяется, возможна (или невозможна) личная явка гражданина в судебное заседание, извещается ли он о времени и месте слушания дела, должен ли суд обеспечить гражданину возможность использовать иные средства для распоряжения на равных основаниях с другими лицами, участвующими в деле, процессуальными правами, например путем назначения ему адвоката для обеспечения квалифицированной юридической помощи. Такая неопределенность допускает неоднозначное истолкование и, следовательно, произвольное применение положения части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации как составной части процессуального механизма, регулирующего производство по делам о признании гражданина недееспособным,

рассматриваемым судом в порядке особого производства. Тем самым нарушается общеправовой принцип формального равенства, закрепленный статьей 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

3.2. Согласно статье 283 ГПК Российской Федерации судья в порядке подготовки к судебному разбирательству дела о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу. В правоприменительной практике (в том числе в делах заявителей по настоящему делу) заключение судебно-психиатрической экспертизы о том, что гражданин по характеру заболевания не может понимать значение своих действий, руководить ими и не может присутствовать в судебном заседании, рассматривается как достаточное основание для того, чтобы не вызывать его в судебное заседание.

В результате гражданин, по сути, лишается прав, которыми Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет лиц, участвующих в деле, в том числе права вести дело в суде лично или через представителей, выбранных им самостоятельно (часть первая статьи 48), давать объяснения по делу (статья 68), лично или через представителя просить суд назначить проведение экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении или поручить ее конкретному эксперту, заявлять отвод эксперту, формулировать вопросы для эксперта, знакомиться с определением суда о назначении экспертизы и со сформулированными в нем вопросами, знакомиться с заключением эксперта, ходатайствовать перед судом о назначении повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы (часть вторая статьи 79).

Тем самым лицу, в отношении которого рассматривается дело о признании недееспособным, не обеспечиваются равные с другими участниками разбирательства процессуальные возможности по отстаиванию своей позиции и защите своих интересов при рассмотрении дела, что означает нарушение принципов справедливости правосудия, а также

состязательности и равноправия сторон в судебном процессе, а следовательно, нарушение статей 15 (часть 4), 17 (часть 1), 46 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3.3. Дело о признании гражданина недееспособным отнесено к делам, рассматриваемым в порядке особого производства (глава 31 ГПК Российской Федерации). Хотя в таких делах, с учетом их специфики, стороны в обычном процессуальном смысле отсутствуют, тем не менее интересы участников разбирательства могут быть разнонаправленными и как таковые подлежат защите и отстаиванию посредством универсального принципа состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Лишение гражданина возможности лично или через выбранных им самим представителей отстаивать свою позицию не позволяет с достаточной полнотой установить обстоятельства дела, заслушать объяснения всех заинтересованных лиц, собрать иные необходимые доказательства. Такая мера – исходя из требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации применительно к возможности ограничения прав человека и гражданина, в том числе прав на свободу, невмешательство в частную жизнь, на самостоятельное осуществление гражданином в полном объеме своих прав и обязанностей (статья 22, часть 1; статья 23, часть 1; статья 60 Конституции Российской Федерации), – должна применяться лишь в том случае, если она обусловливается характером психического заболевания, его видом и степенью, т.е. отвечает критериям необходимости и соразмерности преследуемой цели, и с соблюдением справедливых процедур, обеспечивающих достоинство личности и уважение интересов гражданина.

При этом, как следует из статьи 67 ГПК Российской Федерации, заключение эксперта не имеет для судьи заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, в том числе объяснениями самого гражданина, – на основе внутреннего убеждения судьи

в том, что отсутствуют основания для сомнений в достоверности, подлинности, профессиональном уровне и полноте заключения экспертов о характере и тяжести заболевания, о возможных последствиях болезни гражданина для его социальной жизни, здоровья, имущественных интересов, о том, какого рода действия он не может понимать и контролировать, и т.д. В случае возникновения сомнений в достоверности и полноте выводов, содержащихся в экспертном заключении, судья обязан назначить повторную экспертизу психического состояния гражданина.

Участие самого гражданина в судебном заседании, таким образом, необходимо не только для того, чтобы дать возможность ему как заинтересованному лицу представлять свою позицию по делу, но и для того, чтобы позволить судье составить собственное мнение о психическом состоянии гражданина и непосредственно убедиться в том, что гражданин не может понимать значение своих действий и руководить ими. При таких обстоятельствах судья, с тем чтобы обеспечить полную и эффективную судебную защиту, избежать произвольного вмешательства в право на свободу и неприкосновенность личной жизни и соблюсти требования справедливости, разумности и пропорциональности при вынесении решения о признании лица недееспособным, не должен ограничиваться лишь письменным заключением специалистов. Иначе нарушается право на справедливое правосудие и возникает риск, что признание гражданина недееспособным будет несоразмерно конституционно признаваемым целям, закрепленным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3.4. Рассмотрение дела в отсутствие самого гражданина (вопреки его желанию) допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например в случаях, когда существуют достаточные основания предполагать, что лицо представляет реальную опасность для окружающих либо состояние здоровья не позволяет ему предстать перед судом. Однако и в этих случаях, поскольку речь идет о существенном изменении правового положения гражданина,

предпочтительно личное ознакомление суда с его состоянием, для того чтобы выяснить реальную способность гражданина присутствовать в судебном заседании и предупредить случаи необоснованного лишения его статуса дееспособного лица.

Непредоставление гражданину возможности лично или через выбранного им самим представителя участвовать в судебном заседании, в котором рассматривается заявление о признании его недееспособным, в том числе в результате неизвещения гражданина о времени и месте судебного заседания, является недопустимым ограничением не только права на получение квалифицированной юридической помощи, но и права на полную и эффективную судебную защиту, осуществляемую на основе равенства перед законом и судом, справедливого судебного разбирательства, состязательности и равноправия сторон и гарантируемую статьями 19 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, с тем чтобы исключить неправомерное ограничение конституционного права гражданина самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности (статья 60 Конституции Российской Федерации).

В постановлении от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров против России» Европейский Суд по правам человека, опираясь на свою прецедентную практику применения положений статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (прежде всего, на постановление от 24 октября 1979 года «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов»), признал, что в делах лиц, страдающих психическим расстройством, национальные суды обладают определенной свободой усмотрения, например они могут принимать процессуальные меры для обеспечения надлежащего отправления правосудия, защиты здоровья соответствующего лица и т.д., которые, однако, не должны затрагивать само существо права лица на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим Европейский Суд по правам человека посчитал неоправданным решение судьи рассмотреть дело на основе письменных доказательств, без личного присутствия гражданина и

заслушивания его доводов и признал, что в данном разбирательстве имело место нарушение принципа состязательности и тем самым нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3.5. Таким образом, положение части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации, предусматривающее, что гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию его здоровья, в той мере, в какой данное положение – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – позволяет суду принимать решение о признании гражданина недееспособным на основе одного лишь заключения судебно-психиатрической экспертизы, без предоставления гражданину, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни либо здоровья или для жизни либо здоровья окружающих, возможности изложить суду свою позицию лично либо через выбранных им самим представителей, – не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 45 (часть 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3), 60 и 123 (часть 3).

4. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающими конституционное содержание права на судебную защиту, в рамках осуществления судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные; при этом отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным в судопроизводстве требованием эффективного восстановления в правах посредством справедливого правосудия, умаляет и ограничивает данное право; хотя пределы усмотрения федерального законодателя при установлении системы судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, оснований для отмены или изменения судебных постановлений вышестоящими судами, полномочий судов вышестоящих инстанций достаточно широки, он должен, осуществляя соответствующее регулирование, исходить из конституционных целей и

ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации и обеспечивать процессуальные гарантии лицам, участвующим в деле (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П и др.).

4.1. В соответствии со статьями 336 и 337 ГПК Российской Федерации не вступившие в законную силу решения суда первой инстанции (за исключением решений мировых судей) могут быть обжалованы в кассационном порядке: сторонами и другими лицами, участвующими в деле, может быть принесена кассационная жалоба, а прокурором, участвующим в деле, – кассационное представление.

Следовательно, гражданин, в отношении которого вынесено решение суда о признании его недееспособным, вправе как лицо, участвующее в деле (статьи 34 и 35 ГПК Российской Федерации), обжаловать данное решение в суд кассационной инстанции. Если, однако, суд первой инстанции – в противоречие с вытекающими из Конституции Российской Федерации требованиями – не предпринял должных мер к выяснению реальной способности гражданина лично участвовать в судебном разбирательстве, посчитал возможным рассмотреть дело в его отсутствие и, полагаясь лишь на врачебное заключение, не известил гражданина о времени и месте проведения разбирательства, то в таком случае гражданин может узнать о решении суда о признании его недееспособным уже по истечении срока на кассационное обжалование, т.е. когда решение вступило в законную силу и исполняется, что влечет за собой в том числе назначение опекунов.

В результате гражданин, не принимавший по указанным причинам участие в судебном разбирательстве лично или через выбранных им самим представителей, не может воспользоваться и правом на кассационное обжалование решения суда: в силу взаимосвязанных положений части пятой статьи 37, части первой статьи 52, пункта 3 части первой статьи 135 и части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – он как лицо, признанное

недееспособным, уже лишен права самостоятельно осуществлять процессуальные действия, в том числе обращаться в суд кассационной инстанции.

Аналогичным образом в правоприменительной практике истолковывается положение пункта 2 части первой статьи 379¹ ГПК Российской Федерации, согласно которому надзорная жалоба, поданная лицом, не имеющим права на обращение в суд надзорной инстанции, возвращается судьей без рассмотрения по существу. Данное положение во взаимосвязи с частью пятой статьи 37, частью первой статьи 52, пунктом 3 части первой статьи 135 и частью первой статьи 284 ГПК Российской Федерации служит основанием для отказа гражданину, признанному недееспособным, в обжаловании соответствующего решения, вступившего в законную силу.

Кроме того, гражданин, пропустивший срок на кассационное обжалование в силу того, что он не был уведомлен ни о рассмотрении судом заявления о признании его недееспособным, ни о его результатах, лишается возможности обжаловать решение суда о признании его недееспособным в порядке надзора также и потому, что в соответствии с частью второй статьи 376 ГПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 330-ФЗ судебные постановления могут быть обжалованы в суд надзорной инстанции при условии, что исчерпаны иные установленные данным Кодексом способы обжалования.

4.2. Таким образом, лица, признанные в их отсутствие (в отсутствие их представителей) недееспособными, не извещенные о времени и месте рассмотрения соответствующего заявления и пропустившие по этой причине срок на кассационное обжалование, вообще лишаются процессуальных возможностей обжаловать судебное решение и, следовательно, процессуальных гарантий для защиты от необоснованных ограничений конституционного права самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Между тем – с учетом последствий признания

гражданина недееспособным, который в таком случае, по сути, лишается данного конституционного права, – ему должна быть гарантирована полная и эффективная судебная защита.

В связи с этим лицу, в отношении которого возбуждается указанная процедура и принимается судебное решение о признании недееспособным, должны быть обеспечены как квалифицированная юридическая помощь, оказываемая ему выбранными им самим представителями (статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации), так и вытекающая из статей 46, 56 (часть 3), 118, 125 и 126 Конституции Российской Федерации возможность обращения ко всем имеющимся внутригосударственным средствам правовой защиты от нарушения прав необоснованным признанием недееспособным, включая обжалование решения во всех предусмотренных законом инстанциях в системе судов общей юрисдикции, в том числе осуществляющих проверку судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Такое право имеется у участвующих в деле лиц, подавших заявление о признании гражданина недееспособным, и – в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом и общих конституционных гарантий права на судебную защиту – такое право имеется у гражданина, в отношении которого суд выносит решение о признании его недееспособным. Как лицу, участвующему в деле, это право должно быть обеспечено ему до исчерпания всех предусмотренных законом процедур обжалования судебных постановлений, в том числе в надзорном порядке, тем более в случаях, когда суд первой инстанции рассмотрел дело и признал гражданина недееспособным в отсутствие самого гражданина или его представителей. Невозможность же обжалования ошибочного судебного решения является нарушением права на судебную защиту, по существу противоречащим запрету на его ограничение (статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

5. В силу статей 22 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации ограничение свободы допускается только по решению суда; до судебного

решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов; каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Приведенные конституционные положения в их взаимосвязи со статьями 5, 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод действуют в том числе и в качестве гарантии от необоснованного принудительного помещения гражданина в психиатрический стационар.

5.1. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая в постановлениях от 3 мая 1995 года № 4-П, от 13 июня 1996 года № 14-П и от 14 марта 2002 года № 6-П вопросы, связанные с конституционными гарантиями судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе при задержании, заключении под стражу и иных формах ограничения свободы личности, сформулировал следующие правовые позиции.

Провозглашенное в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти; любой опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности, в том числе при наличии законных оснований, должно противостоять право на судебное обжалование.

Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков.

В ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 9

Международного пакта о гражданских и политических правах, пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод); таким образом, ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается.

5.2. Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» предусматривает для лиц, признанных в установленном порядке недееспособными, специальный порядок госпитализации в психиатрический стационар: такое лицо помещается в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его законного представителя (часть четвертая статьи 28), где подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, которая принимает решение об обоснованности госпитализации; в случаях, когда госпитализация признается необоснованной и госпитализированный не выражает желания остаться в психиатрическом стационаре, он подлежит немедленной выписке (часть первая статьи 31, часть первая статьи 32).

Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар лица, страдающего психическим расстройством, в том числе лица, признанного в установленном порядке недееспособным, безусловно, является ограничением свободы, которое в силу приведенных конституционных и международно-правовых норм и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации допускается только по судебному решению.

Между тем часть четвертая статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» позволяет, как показывает правоприменительная практика, осуществлять принудительную госпитализацию в психиатрический стационар лиц, признанных недееспособными, без соответствующего судебного решения, принятого по результатам проверки обоснованности и необходимости такой госпитализации, – на основании одной лишь просьбы или согласия их законных представителей, что – в нарушение статей 19 (части 1 и 2), 22, 23

(часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – может привести к несоразмерному ограничению прав указанных лиц, в том числе на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, а также права на судебную защиту.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение части первой статьи 284 ГПК Российской Федерации, предусматривающее, что гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если это возможно по состоянию его здоровья, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 45 (часть 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3), 60 и 123 (часть 3), в той мере, в какой данное положение – по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, – позволяет суду принимать решение о признании гражданина недееспособным на основе одного лишь заключения судебно-психиатрической экспертизы, без предоставления гражданину, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни либо здоровья или для жизни либо здоровья окружающих, возможности изложить суду свою позицию лично либо через выбранных им самим представителей.

2. Признать взаимосвязанные положения части пятой статьи 37, части первой статьи 52, пункта 3 части первой статьи 135, части первой статьи 284 и пункта 2 части первой статьи 379¹ ГПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 45 (часть 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3), 60 и 123 (часть 3), в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой в системе действующего правового

регулирования кассационного и надзорного производства, – не позволяют гражданину, признанному судом недееспособным, обжаловать решение суда в кассационном и надзорном порядке в случаях, когда суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей, при том что его присутствие в судебном заседании не было признано опасным для его жизни либо здоровья или для жизни либо здоровья окружающих.

3. Признать положение части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которому лицо, признанное в установленном законом порядке недееспособным, помещается в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его законного представителя, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное положение предполагает помещение недееспособного лица в психиатрический стационар без судебного решения, принимаемого по результатам проверки обоснованности госпитализации в недобровольном порядке.

4. Дела граждан Гудковой Юлии Кимовны, Штукатурова Павла Владимировича и Яшиной Марии Афанасьевны подлежат пересмотру судами в обычном порядке с учетом настоящего Постановления.

5. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности абзаца третьего статьи 222 и части второй статьи 286 ГПК Российской Федерации.

6. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление

должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 4-П

**МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Г.А.ГАДЖИЕВА**

1. Мною разделяются все содержащиеся в резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации выводы о нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и о части 4 статьи 28 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Вместе с тем я считаю, что заявителем П.В.Штукатуровым был поставлен целый ряд проблем, требующих дополнительной аргументации в мотивировочной части Постановления. Поэтому считаю необходимым изложить в соответствии с частью второй статьи 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не совпадающее с общим мнением о конституционно-правовой аргументации итогового вывода о части 4 статьи 28 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», содержащегося в пункте 3 резолютивной части Постановления.

2. От гражданина П.В.Штукатурова в Конституционный Суд поступило две жалобы. Первая датируется 10 февраля 2007 года, вторая – 25 сентября 2007 года. Обе эти жалобы рассматривались в заседании Конституционного Суда Российской Федерации. При этом в первой жалобе, не ставя вопрос о

необходимости изменения существующей системы правового регулирования дееспособности в Российской Федерации, поскольку он является прерогативой законодателя, заявитель тем не менее просил проверить конституционность существующих законоположений в сфере дееспособности в той мере, в какой эти положения затрагивают его конституционные права.

В частности, в первой жалобе заявителя утверждается, что основанием к рассмотрению жалобы является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие порядок признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки (пункты 1 и 2 статьи 29, статья 32 ГК Российской Федерации).

Заявитель П.В.Штукатуров полагает, что существующее законодательное регулирование предусматривает только полное лишение гражданина дееспособности в случае наличия у него психического расстройства. Законом не предусмотрено ограничение в дееспособности граждан в связи с наличием психического расстройства. Такое ограничение возможно только в том случае, если лицо вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение (статья 30 ГК Российской Федерации).

Таким образом, при решении вопроса о дееспособности граждан, имеющих нарушения психического здоровья, закон не позволяет суду учитывать степень нарушения самостоятельной способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими в конкретных сферах и в зависимости от особенностей определенного психического расстройства.

Признание гражданина недееспособным имеет своим следствием ограничение лица во многих правах в смысле статьи 55 Конституции Российской Федерации, включая право на обращение в суд, право на участие в выборах (активное и пассивное избирательное право), право на заключение любых гражданско-правовых сделок, право на вступление в брак, право на отказ от медицинских вмешательств и госпитализации в психиатрический

стационар. Таким образом, лишение дееспособности является, по сути, ограничением в правах, имеющим самые серьезные последствия для гражданина.

В связи с этим заявитель обращает внимание суда на то, что во многих странах не существует такого понятия, как «полная недееспособность», а в том случае, если такое понятие существует, законодательство предусматривает возможность ограниченной опеки, что соответствует стандартам Совета Европы, сформулированным в Рекомендации № R(99)4 Комитета Министров государствам-членам относительно принципов правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц.

Заявитель обращал внимание на то, в указанных Рекомендациях предлагается государствам-членам учитывать принципы гибкости правового регулирования и максимального сохранения дееспособности.

В силу принципа гибкости правового регулирования меры защиты или иные правовые меры, используемые для охраны личных или имущественных интересов недееспособных совершеннолетних лиц, должны быть достаточными по своему объему и гибкости для обеспечения надлежащего правового регулирования соответственно различным степеням недееспособности и различным ситуациям.

В силу принципа максимального сохранения дееспособности законодательные принципы регулирования должны признавать, насколько это возможно, существование различных степеней недееспособности, а также возможность изменения характера недееспособности с течением времени. Соответственно, меры защиты не должны быть автоматически связаны с полным лишением гражданской дееспособности. Тем не менее ограничение гражданской дееспособности должно быть возможным в тех случаях, когда это является необходимым для защиты заинтересованного лица.

Заявитель отмечал, что правовое регулирование дееспособности имеет своей целью защиту прав и законных интересов других лиц в смысле статьи 55 (части 3) Конституции Российской Федерации, однако накладываемые вследствие признания гражданина недееспособным ограничения в правах во

всех перечисленных выше сферах, включая полное лишение ряда прав, не являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты основных конституционных ценностей, так как не учитывают реальной степени ограничения лица самостоятельно распоряжаться своими правами и основываются на презумпции, в случае психического расстройства, либо полной способности понимать значение своих действий и принимать решения, либо полном отсутствии такой способности.

Во второй своей жалобе заявитель не упоминает напрямую статью 29 ГК Российской Федерации, однако просит проверить конституционность части 4 статьи 28 Закона «О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании», в силу которой предусматривается возможность помещения лица, *признанного в установленном порядке недееспособным*, в психиатрический стационар. Неотъемлемой частью оспоренной нормы являются слова «признанного в установленном порядке недееспособным», означающие отсылку к статье 29 ГК Российской Федерации, определяющей основания и порядок признания гражданина недееспособным. С моей точки зрения, положение части 4 статьи 28 Закона о психиатрической помощи находится в системной взаимосвязи с положениями статьи 29 ГК Российской Федерации и поэтому в мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации должна содержаться оценка конституционности статьи 29 ГК Российской Федерации. Именно эта статья Гражданского кодекса Российской Федерации, будучи материально-правовой нормой, предопределяет оспоренные заявителем процессуальные нормы. Она является, с моей точки зрения, дефектной, поскольку устанавливает дуальный выбор для суда – либо признать гражданина дееспособным, либо признать его полностью недееспособным, не допуская при этом возможности признать лицо ограниченно дееспособным в зависимости от степени (глубины) психического расстройства личности, влекущей неспособность понимать значение своих действий или руководить ими.

3. Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года, так же как и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, не предусматривает возможности частичного ограничения дееспособности психически больных, хотя такие предложения высказывались в литературе¹. С.Н.Братусь обращал внимание на то, что в силу дефекта законодательного регулирования судам приходилось признавать недееспособными граждан, за которыми могла бы быть признана частичная дееспособность. Кроме того, указывал С.Н.Братусь, признание лица недееспособным касается не только гражданских прав, а отражается на всем правовом статусе гражданина, поскольку признанный недееспособным не пользуется избирательным правом, не вправе вступать в брак и т. д.²

Для устранения дефекта в правовом регулировании признания гражданина недееспособным, положения статьи 29 ГК Российской Федерации должны быть подвергнуты конституционно-правовому истолкованию.

В соответствии со статьей 21 ГК Российской Федерации гражданская дееспособность – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять *гражданские права*, создавать для себя *гражданские обязанности* и исполнять их. Никто не может быть ограничен в дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом (часть 1 статьи 22 ГК Российской Федерации).

Поскольку по буквальному смыслу статей 21 и 29 ГК Российской Федерации, гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным, и в таком случае такое признание должно означать, с учетом конституционного принципа соразмерности (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), что происходит ограничение прежде всего гражданских прав. Конституция Российской Федерации предусматривает, что граждане, признанные судом недееспособными, не

---

¹ Холодковская Е. М. Дееспособность психически больных в судебно-психиатрической практике. М., 1967. С. 46.

имеют только права избирать и быть избранными (статья 32, часть 3, Конституции Российской Федерации). Следовательно, Конституция не исключает возможности для лиц, признанных недееспособными, осуществлять иные избирательные права, в частности право на агитацию. Полагаю, что лицо, признанное недееспособным в осуществлении гражданских прав, не лишено права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33 Конституции Российской Федерации). Таким образом, положение статьи 29 ГК Российской Федерации не должно пониматься таким образом, что признание недееспособным в сфере гражданского оборота означает ограничение прав во всех остальных сферах жизни. В частности, признание недееспособным не должно приводить к поражению в процессуальных правах.

Разрешая в пункте 1.2 мотивировочной части Постановления вопрос о допустимости принятия жалоб Ю.К.Гудковой, П.В.Штукатурова, М.А.Яшиной, Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, дал конституционно-правовое истолкование материально-правового института признания гражданина недееспособным, поскольку суд признал, что гражданин, в отношении которого было вынесено решение о признании его недееспособным, вправе обращаться в Конституционный Суд с жалобой на нарушение своих конституционных прав законоположениями, на основании которых судом общей юрисдикции было вынесено решение о признании его недееспособным.

4. Помимо выявления конституционно-правового смысла статьи 29 ГК Российской Федерации считаю необходимым в мотивировочной части Постановления обратить внимание законодателя на необходимость совершенствования положений статьи 29 ГК Российской Федерации, направленных на учет степени (глубины) утраты лицом способности понимать значение своих действий. Законодатель должен предусмотреть возможность частичного ограничения дееспособности психически больных.

---

² Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1984. С. 44.

Об этом говорится и в Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы R (99) 4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», на которые ссылается Конституционный Суд Российской Федерации в пункте 2.1 мотивировочной части Постановления. Суть рекомендации состоит в том, чтобы в целях гибкости правового регулирования меры защиты недееспособных взрослых должны основываться на учете различных степеней недееспособности. Законодатель должен исходить из принципа максимального сохранения дееспособности. Это значит, что законодательное регулирование должно признавать, что могут существовать различные степени недееспособности и что дееспособность может быть различной в разные периоды времени.